

ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1879 ГОДУ

Рабочие и крестьяне Ставропольского края вписали в историю яркие страницы борьбы против самодержавия, помещиков и капиталистов.

Однако буржуазные историки, изучавшие дореволюционное прошлое Ставрополя, умалчивали об этом или сознательно искажали факты. Особенно плохо исследован в истории нашего края пореформенный период. Очевидно, тут сказалось влияние антимарксистских установок М. Покровского. Он утверждал, будто к концу 70-х годов XIX в. «даже и пугачевщина не сумела бы раскачать крестьянство, потому что положение крестьянства в эти годы не ухудшилось, а, напротив, улучшилось».¹ Обида, причиненная крестьянам 19 февраля 1861 г. «начала уже, — по его мнению, — забываться», да как раз в многоземельных губерниях она была «менее чувствительна».

Таким образом, по утверждению «школы Покровского», в конце 70-х гг. XIX в. крестьянство не только не поднималось против своих угнетателей, но «оно не шелохнулось».²

Между тем, В. И. Ленин учит, что как раз в 1879—80 гг. в России назревала революционная ситуация:

1) Уже не только «низы не хотели», но и «верхи не могли» жить по-старому; 2) Обострились выше обычного нужда и бедствия угнетенных классов; 3) Значительно повысилась, в силу указанных причин, активность масс, которые привлекались, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению.

Неопубликованные источники, обнаруженные в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде и в Государственном архиве Ставропольского края, позволяют на примере Ставрополя разоблачить утверждения «школы Покровского». Сохранившиеся источники далеко не полностью раскрывают картины крестьянской борьбы — в действительности, события были куда ярче, но и то, что удается восстановить по осколкам, лишней раз подтверждает ленинские мысли о революционной ситуации в России в 1879—80 гг.

***

В. И. Ленин показал, что «в пореформенную эпоху происходила... сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России».³

Переселения усиливали разложение крестьянства и на местах выхода, и на местах вселения.

В отчете губернатора за 1877 г. подчеркивалось, что для деятельности предприимчивых зажиточных крестьян «становится уже тесно на землях общинного владения, и потому они арендуют казенные земли и большинство частных». Сверх того, 17 «цепких хозяев» приобрели в личную потомственную собственность 17 184 десятины, да еще арендуют пять участков казенных свободных земель в количестве 37 026 десятин.⁴

В то же время 10 640 крестьянских дворов «вовсе не занимались хлебопашеством».⁵

¹ Покровский М. „Русская история в самом сжатом очерке», М. П. 1923, стр. 149.

² Там же, стр. 155.

³ Ленин, т. 1-3, стр. 520-521, изд. 4-е.

⁴ Печатается впервые. ЦГИАЛ, ф. 1268. ед. хр. 219, г. 1878, л.л. 302, 312.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, ед.хр. 231, г.1879, л. 243.

Размеры хозяйства кулака (более 1000 дес. на двор) превышали рабочие силы его семьи и потому, — учит Ленин, — образование контингента сельских батраков, а еще более поденщиков, есть необходимое условие существования зажиточного крестьянства.¹

Таким образом, к 1873 году в Ставропольской губернии создалось крайне неравномерное распределение земельных угодий. На разоренных крестьянах из года в год накапливались недоимки, подати все увеличивались. Прежде оброчная подать за пользование землей составляла 2 руб. 58 коп. в год с души, а с 1863 г. крестьяне были обложены еще дополнительным поземельным сбором по 1 коп. с десятины на содержание мировых по крестьянским делам учреждений и с 1869 года на губернские повинности тоже по 1 копейке с десятины.

Возросла и подушная подать — царский указ сенату вводил в Ставрополье со второй половины 1867 г. дополнительный сбор — 12 копеек с души. Подушная подать крестьян всех волостей Ставропольского уезда и Петровской волости Ново-григорьевского уезда стала равняться 1 рублю 35 коп. с души, а подать, крестьян прочих волостей Ново-григорьевского уезда и всех волостей Пятигорского уезда — 1 рублю 53 коп.

Поэтому даже на заседании Главного комитета об устройстве сельского состояния (в Петербурге) в январе 1874 года высказывались, опасения, что «всякое прибавление к поземельному сбору, посредством возвышения оценки земли или иным образом», может поставить крестьян Ставропольской губернии «в положение еще более несостоятельное и затруднительное, при котором исправных взносов ожидать нельзя»²

Наместник Кавказа также предостерегал, чтобы в Ставрополье «оброк.. не был увеличен», а надел «не был уменьшаем». Невзирая на предупреждения, Государственный Совет в Общем собрании утвердил новое положение «О поземельном устройстве государственных крестьян в Ставропольской губернии»: оброчная подать переводилась с «души» на землю, крестьянам выдавались «владенные записи», а сумма лежавших на них повинностей увеличивалась. Это и вызвало протест крестьян.

Волнения, которые прокатились по ставропольским селам в 1879 году, на почве обострения классовой борьбы и повышения повинностей, явились проявлением революционной ситуации, назревавшей тогда во всей России. Еще летом 1878 года в деревне Дербетовке при предъявлении крестьянам владенной записи, которая увеличивала сумму податей, крестьяне оказали явное, сопротивление мировому посреднику.³ Как выяснилось позже, об этом событии, «из неуместной гуманности» не было составлено протокола, и крестьяне остались без возмездия. Это воодушевило их на новое сопротивление. Волноваться стали также крестьяне окрестных сел. 16 февраля 1879 года из селения Султановского губернатору пришло сообщение: между крестьянами «явилось недоразумение» в их поземельном устройстве. Крестьянин Николай Баранников убеждает всех односельчан отказаться от земли, страшая, что плата за землю, повышенная уже теперь, в 5—6 лет достигнет 20 рублей, а затем и до 40 рублей в год с души.⁴

Получив известие из других селений, Ново-григорьевского уезда о том, что крестьяне повсюду оказывают «явное сопротивление установленным властям», губернатор направил туда для расследования вице-губернатора К. Л. Зиссермана. Сопротивление установленным властям выражалось не только в непринятии владенных записей, но и в отказе уплачивать ранее установленные подати. Повсеместно крестьяне возвращали начальству окладные листы. Вице-губернатор ежедневно сообщал в Ставрополь своему начальнику о ходе усмирения «бунта». Он выяснил, что вначале крестьяне ограничивались подачей прошений через своих поверенных на имя императора,

¹ Ленин, т.3, стр. 144.

² ЦГИАЛ Ф. Главн. Ком. Об устр. Сельск. Сост., ед. хр. 96, г. 1874, л.10.

³ История СССР, т. II. Россия в XIX веке, под ред. М.В.Нечкиной. М, 1910, стр. 572.

⁴ Печатается впервые, ГАСК, ф. 101, вяз. 255, д. 11345, г. 1879, л.1.

но ходатайства эти, конечно, не были удовлетворены царем. Тогда крестьяне стали волноваться и оказывать уже явное сопротивление; особенно сильный характер волнения приняли в Петровской и Виноделенской волостях, в состав которых вошло большое число бывших помещичьих крестьян, переселившихся из внутренних губерний России.¹ На сходе в с. Казгулак при появлении вице-губернатора крестьяне «начали шум». Упорство крестьян и отказ платить подати совершилось, по мнению Зиссермана, по заранее составленному уговору. Никакие убеждения ни к чему не привели, с горестью сообщал он губернатору. По приказанию начальства крестьяне тоже не расходились; когда же обозленный представитель власти арестовал двух «зачинщиков», то сельский староста от имени общества стал требовать вместе со взятыми двумя «забрать всех и отправить их в город».

Вице-губернатор был так поражен, сообразительностью крестьян Булыгина и Звягина, что у него зародилось подозрение — не скрываются ли за спиною «различных булыгиных, звягиных и т. п. какие-нибудь социал-демократы домашнего изделия».

В Камбулате «тамошние говоруны» также обнаружили в разговорах с вице-губернатором искусную подготовку, в них по словам Зиссермана, в их речах «проглядывает такая юридическая тонкость», что простому крестьянину, по его мнению, «не может - быть известно». Зиссерман подозревал, что подстрекал крестьян сельский учитель, который «расхаживает в красной рубашке и вообще имеет вид нигилиста».² Особое недовольство вице-губернатора вызвало решительное выступление крестьян селения Дербетовка. Дербетовка, — «главное ядро всех упорствующих и возбуждающих Виноделенской волости».³

Крестьяне в Дербетовке, как выяснилось, не хотят приступать к обработке земли. Собрание, происходившее в селении 3 марта. 1879 года, оказалось в высшей степени бурным. Крестьяне не давали мировому посреднику слова вымолвить, ежеминутно перебивая его криками: «Не хотим земли!» Шум и гам, по словам Зиссермана, в котором участвовали «даже бабы и дети», несся по всему селению. Почти вся ночь была проведена вице-губернатором без сна, в тревоге. Крестьяне, подступив к дому, требовали выпустить взятых. Когда на утро 4 марта 1879 г. исправник приступил к введению владенной грамоты, крестьяне заволновались, выдвинули вперед стоявшую на площади громадную толпу женщин, вооруженных палками, крючьями и железными баграми, и бросились на дом, где находился вице-губернатор, «с целью туда ворваться».

Казаки пытались сдержать напор слишком двухтысячной толпы женщин и мужчин. Тогда крестьяне, по рассказу Зиссермана, «начали наносить удары всем служащим без разбора», сорвали жгут с форменного пальто исправника, «нанесли весьма чувствительный удар» жандарму, «причинили весьма значительные ушибы становому».⁴ Станового едва удалось защитить казакам от «разъяренной толпы». Толпа пришла окончательно в иступление и с криками «Давай нам панов!» стала бросать камни в окна вице-губернаторской квартиры. Насмерть перепуганный вице-губернатор попросил священника Остроумова выйти с крестом на крыльцо для увещевания крестьян. Крестьяне не унимались и бросились на священника Остроумова с криками: «Давай попов для расправы!»⁵ И священник, и вице-губернатор признали дальнейшее пребывание в Дербетовке «опасным для жизни своей» и потому в полночь бежали в губернский город Ставрополь.

Крестьянин А. Долбня, узнав о бегстве вице-губернатора, в ту же ночь поскакал

---

¹ Там же, л. 4.

² Там же, л. л. 21-22.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ Там же, л. 56.

в Винодельное, «чтобы возбудить винодельненских крестьян к задержанию вице-губернатора», но опоздал...¹

Зиссерман твердил губернатору, что аграрный вопрос, по его мнению, есть только предлог для крестьянского движения и что где-то «невидимая рука ведет дело к возмущению». Крестьянин Стенько, бывший уже раз в Петербурге, вновь туда отправился, — пишет из Петербурга письма «и действует, очевидно, под чьим-то руководством». Возмутившиеся крестьяне были уверены, как объяснил один из обвиняемых, что новое положение об их поземельном устройстве «вышло не от царя, а его выдумали паны, для того, чтобы ввести опять крепостное право и, что об этом положении царь ничего не знает».²

Несмотря на царистский характер крестьянского движения в Виноделенской и Петровской волостях, губернатор выражал опасения, что «в этой части губернии почва вполне восприимчива для самой опасной агитации», ибо селение Дербетовка образовалось путем переселения туда «всякого сброда людей» и потому в крестьянском движении Ставрополья играет «первенствующую роль».³

На основании этого, губернатор просил наместника Кавказа двинуть два батальона на Дербетовку «для военной экзекуции».⁴

Сильными пикетами необходимо, по его мнению, окружить Дербетовку так, чтобы тамошние волнения не могли распространяться далее. Губернатор еще не знал, что Дербетовское общество послало 4 нарочных в ближайшие селения для возбуждения крестьян и 5 марта 1879 года утром в село Дербетовское приехали вооруженные крестьяне из селений Малой Джалги — около 50 человек, Большой Джалги — около 100 человек, из Дивного — около 100 человек, Кистинского — около 50 человек и из Винодельного около 30 человек. Все восставшие крестьяне радовались, что вице-губернатор с сопровождавшими его чинами «испугался и бежал», и жалели лишь, что он с чинами не дождался их, крестьянской расправы с ними.⁵

Под влиянием дербетовских событий жители Дивного также были возбуждены и ободрены. Волнения широкой волной разливались по селениям Виноделенской, Петровской и Кугультинской волостей. В селении Киевском старики отобрали должностную печать сельского старосты и вручили ее крестьянам.⁶

Затруднительное положение царской администрации станет вполне понятным, если учесть еще, что в ту же пору на Северном Кавказе возмущалась и горская беднота.

Но победить крестьяне не могла, ибо «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями».⁷

К концу XIX века появляются марксистские группы, которые начинают вести революционную работу среди рабочих и крестьян. В 1894 г. В. И. Ленин в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян, как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии.

Совместная борьба рабочих и крестьян, в которой принимали деятельное участие и трудящиеся нашего края, привела к установлению Советской власти.

---

¹ Там же, л. 62.

² Там же, л. 50.

³ Там же, л. л. 51-52.

⁴ Там же, л. 36.

⁵ Там же, л. 61.

⁶ Там же, л. 142.

⁷ Сталин. «Беседа с немецким писателем Э. Лювигом». 1933, стр. 9.